

*Анне, Томасу и Эдварду;
моим родителям, Эдварду и Катарине Никс;
моим братьям Саймону и Джонатану и их семьям,
а также всем моим родным и друзьям*

Эта история произошла в Англии в 1983 году. Правда, люди, которые еще помнят то время, возражат, что жизнь тогда была совсем другая, да и в учебниках истории ничего такого не пишут. Но кто знает, где правда на самом деле?

Пролог

Майским утром 1983 года, в 5:42, над Западной Англией встало солнце. Край огненного диска уже показался из-за холмов, но свет и тепло еще не проникли в неглубокую долину, перерезанную мелкой речушкой. Она текла прямо, но в миле от запруды резко сворачивала влево.

Через речку был переброшен мостик из трех досок, который гостеприимно приглашал прохожего на другой берег, к старому фермерскому дому. Однако тропа на том берегу оставалась почти нехоженой, а потому приглашение принимали немногие. И неудивительно: начало тропы — у древнего дуба, на развилке дорог, возле крошечной деревушки над запрудой, — почему-то неизменно ускользало от глаз путников.

На пороге дома показалась девушка. Она зевала и жмурилась со сна.

Девушку звали Сюзен Аркшо, две минуты назад ей исполнилось восемнадцать лет. Она была не столько хороша собой, сколько необычна: густые черные брови странно контрастировали с обесцвеченной щетиной на бритой голове. Вместо ночной рубашки — простор-

ная футболка с надписью «Jimi Hendrix Summer Tour 1968», пятнадцать лет назад подаренная ее матери дорожным менеджером музыканта. При небольшом росте девушка была на удивление гибкой и мускулистой, так что ее часто принимали за профессиональную танцовщицу или гимнастку, и напрасно.

Мать Сьюзен, высокая, тонкая и совсем не мускулистая, говорила дочери, что та пошла в отца, и, надо полагать, не ошибалась. Но девушка никогда не видела своего второго родителя, а мать никогда о нем не рассказывала.

Сьюзен подошла к речке, присела и опустила руку в чистую прохладную воду. Опять ей снился сон, тот самый, из детства. Она нахмурилась, вспоминая подробности. Начинаясь он всегда одинаково, на берегу, на этом самом месте. Вот и теперь ей показалось, будто она видит его на самом деле...

Вода в ручье вдруг пошла пузырями, словно на поверхность поднималась большая рыба, но потом забурлила и заклокотала — никакой рыбе это не было под силу. Зато из середины потока стало подниматься существо — медленно, будто его тянули на веревке. Его ноги и руки были из воды, в которой колыхались пряди подводной травы, ветки ивы и стебли камыша. Головой служил ком перекрученных ольховых корней, размером с корзину, на котором таращились прозрачные глаза — два белесых водоворота, — а под ними шевелили усами два большущих рака, вцепившиеся клешнями в хвосты друг другу. Их покрытые панцирями тела были губами — верхней и нижней.

Булькая и расплескивая чистейшую ледяную воду, существо шагнуло на берег, потащилось сначала по траве, потом по мощеной дорожке к дому, остановилось там и, вытянув длинную руку, встряхнуло зелеными пальцами — ивовыми листьями — и окропило водой оконное стекло — раз, другой, третий.

Губы-раки задвигались, меж ними заскользил зеленый язык — стебель подводной травы — и зашлепал, выталкивая мокрые, шепелявые слова:

— Слежу-ворожу, слежу-ворожу.

Существо развернулось и двинулось назад, к реке, с каждым шагом теряя объем, высоту и плотность, пока наконец не превратилось в кучку водяного мусора: такую оставляет на берегу ручей после ливня или половодья. Словно его и не было... если бы не полоса мокрой грязи на мощеной дорожке перед домом.

Сюзен потерла пальцами виски и оглянулась. По каменной дорожке, от дома к ручью, тянулась полоса мокрой грязи. Ну и что? Может быть, мать ни свет ни заря ходила на ручей за глиной для поделок...

На крыше каркнул ворон. Сюзен помахала ему рукой. Вороны ей тоже снились, только большие, даже здоровенные, каких не бывает в природе. К тому же они говорили, вот только Сюзен никогда не могла вспомнить, что именно. Лучше всего помнилось начало сна; после водяного все как-то путалось.

Да, кроме воронов, в ее сне была еще одна тварь, которая жила в холме за домом. Вылезала оттуда, прямо из земли, — ящерица, только каменная... или даже дракон.

Сьюзен улыбнулась, думая о том, что все это может значить. Видно, ее подсознание, которому с детства давали обильную пищу книжки Сьюзен Купер, Толкина и К. С. Льюиса, разыгралось не на шутку. Вообще-то, водяной, огромные вороны и каменная ящерица должны были сложиться в превосходный кошмар, но девушке совсем не было страшно. Даже наоборот, после каждого такого сна становилось удивительно спокойно.

Сьюзен опять зевнула и пошла в дом. Уже погружаясь в сон под мягким пуховым одеялом, она вдруг вспомнила, что говорил ей ворон.

«Дары, которые дал нам твой отец, мы, твари воды, земли и неба, сторожим-ворожим».

— Мой отец, — сонно подумала Сьюзен. — Отец...

В восемь утра мать внесла в ее спальню поднос с чаем и тостами, как делала на каждый ее день рождения — к тому времени Сьюзен уже забыла и о своем раннем пробуждении, и о сне. Не давало покоя лишь смутное воспоминание о том, что какой-то сон все-таки был...

Она посмотрела на мать, которая села на ее постель.

— Мне снился интересный сон. Кажется. Только я не помню о чем. Вроде бы что-то важное...

— Это хорошо, когда снятся сны, — ответила мать, которая сама жила как во сне. Словно гребнем, она провела пальцами по роскошной гриве черных волос, кое-где тронутых сединой — следами не старости, а горя. Свою шевелюру Жасмин — так звали мать Сьюзен — не доверяла никому и приходила в смятение, стоило дочери хотя бы намекнуть ей на новую при-

ческу, и лишь подравнивала кончики, причем всегда сама. — Всегда хорошо... почти... хотя бывают дурные сны...

— По-моему, мой сон... мне кажется, он как-то связан с моим отцом.

— Правда? Еще чашечку?

— Ты точно не можешь рассказать мне, кто он, мама?

— Не могу. Время было совсем другое. Я была другой. Он... Я забыла, что ты сказала насчет чая — да или нет?

— Да, мама.

Мать и дочь молча пили чай, думая каждая о своем. Наконец Сьюзен решительно сказала:

— Знаешь, поеду-ка я в Лондон пораньше. Потрусь там, привыкну. Подработку какую-нибудь найду... в пабах никогда не отказываются от пары лишних рук. А еще... я хочу поискать отца.

— Что ты сказала, милая?

— Я уезжаю в Лондон. Не буду дожидаться приглашения. Работу поищу и все такое.

— А-а-а... Вот как. Ну что ж, вполне естественно. Только обещай мне, что будешь осторожна. Он рассказывал... Хотя нет, это не о том...

— Кто — он? О чем он рассказывал — или о ком?

— Что? Нет, не помню. Да, Лондон. Конечно поезжай. Когда мне было восемнадцать, я и представить не могла, как можно жить где-то еще. Но я настаиваю на открытках. Присылай мне открытки с видами Лондона. Трафальгарская площадь...

Сьюзен ждала продолжения, но Жасмин умолкла, рассеянно глядя в стену. Мысль, которой она хотела поделиться с дочерью, так и не родилась.

— Ладно, мам, обещаю.

— Не сомневаюсь, что ты будешь осмотрительна! Восемнадцать лет! С днем рождения, доченька! Ну все, мне пора к картине, пока вон то облако не закрыло небо и не испортило свет. Подарки потом, ладно? После завтрака.

— Договорились. Не упусти свет!

— Конечно. И ты тоже, милая. Особенно ты. Всегда будь на стороне света. Он этого хотел.

— Мам! Кто — он? Мам, подожди... а, ладно...

Глава 1

*Там клерк в перчатках, леворук,
И меч, ему вернейший друг,
Фехтуют ловко с праворуким,
Войны и книги превзойдя науки.*

Стройный юноша с длинными светлыми волосами, в винтажном костюме-тройке цвета горчицы — расклешенные брюки прикрывали полусапожки из поддельной аллигаторовой кожи на двухдюймовом кубинском каблуке, — склонился над кожаной кушеткой, где распростерся мужчина средних лет. Его шелковый халат с монограммой распахнулся, обнажив бледное брюхо, раздутое, как у рыбы-фугу. Обрюзгшее лицо налилось краской гнева, двойные подбородки все еще студенисто дрожали от недавнего столкновения ярко-розового носа с острием серебристой шляпной булавки.

— Ты за это заплатишь, ты, мелкий с... — прошипел мужчина и выбросил вверх руку с зажатой в ней опасной бритвой, только что выхваченной из-под расширенной подушки.

Но резкое движение дорого ему обошлось — лицо утратило плотность, и мясо стекло с костей, мгновенно съежившись, как пластиковый пакет над свечкой. Стройный юноша — или все же девушка в мужском

костюме? — отпрянул, но продолжал наблюдать, как волна изменений идет по телу, как плоть тонким порошком осыпается внутрь роскошного голубого халата и из воротника и обшлагов начинают торчать странные желтые кости, которые превращаются в крохотные дюны из нежнейшего песка, вроде того, что на большой глубине устилает дно океана.

Правда, для появления этого песка не потребовалось ни миллионов лет, ни мощи морского прибою. Хватило пары секунд и одного булавочного укола. Вот только булавка, надо признать, была особой, хотя на первый взгляд ничем не отличалась от тех, какими дамы во времена королей Георгов крепили к прическам свои шляпы. Дело в том, что на посеребренную сталь было нанесено Соломоново заклятие уничтожения, мельчайшими, недоступными простому глазу буквами вписанное между клеймами, которые удостоверяли, что изготовлена она в 1797 году в городе Бирмингеме серебряных дел мастерами Харштоном и Гулом. Малоизвестные ювелиры. Не из тех, кто не знает отбоя от клиентов при жизни и становится мечтой коллекционеров после смерти. Впрочем, ничего удивительного, ведь Харштон и Гул делали только булавки для шляп да еще на диво острые ножи для разрезания бумаги.

Юноша — все же это был именно юноша, по крайней мере, имел больше соответствующих признаков — держал булавку левой рукой, затянутой в перчатку из светло-коричневой кожи кабретта, удивительно тонкой и гибкой, в то время как изящная правая рука была

свободна от всякой защиты, не считая кольца на указательном пальце: по тонкому золотому ободку змеилась надпись, прочесть которую можно было лишь с помощью специальных приспособлений.

Недрогнувшей левой рукой юноша вставил булавку в специальный кармашек на правом рукаве своего пиджака, а булавочную головку заправил под запонку из половинки соверена (1897 год, юбилей правления королевы Виктории; не хухры-мухры), блеснувшую на манжете рубашки от «Тернбулла и Ассера». Правда, правая рука юноши все же немного дрогнула во время этой операции, но не настолько, чтобы острие булавки оставило хотя бы малейшую зацепку на ткани рукава.

Причиной его легкого волнения служило отнюдь не развоплощение уголовного авторитета Фрэнка Трингли, которое он произвел только что. Дело в том, что юноше не полагалось даже приближаться к жилищу авторитета, и теперь он ломал голову над тем, как объяснить это...

— Руки... руки вверх!

Юноше не полагалось также приходить в волнение при виде молодой девушки, которая вдруг ворвалась в комнату, держа перед собой дрожащими руками острый поделочный нож X-АСТО. Она была не высокой, но и не маленькой, двигалась стремительно, но плавно, как профессиональная танцовщица или мастер боевых искусств, однако футболка с надписью «Clash» под темно-синим комбинезоном, кроваво-красные ботинки «Док Мартенс» и ежик обесцвеченных волос гово-

рили скорее об увлечении панк-роком или чем-то вроде этого.

Юноша поднял обе руки. Девушка с ножом была, во-первых, очень молода, не старше его самого, а ему было всего девятнадцать; во-вторых, почти наверняка не из дегустаторов, как Фрэнк Трингли; и, в-третьих, не из тех девиц, с какими обычно проводят досуг криминальные авторитеты.

— Что... что ты сделал с дядей Фрэнком?

— Он тебе не дядя.

Парень шагнул вперед, но остановился, когда девушка выразительно повела ножом.

— Да, нет, но... стой там! Не двигайся! Я звоню в полицию.

— В полицию? В смысле Чарли Бентону, Бену Кривоносу или другому симпатичному дружку Фрэнка?

— В полицию — в смысле в полицию, — отрезала девушка и боком двинулась к телефону, стоящему на буфете.

«Неожиданная штучка для Фрэнка Трингли», — подумал Мерлин. Антиквариат, настоящий ар-деко 1930-х: слоновая кость, золотая инкрустация, гладкий шнур, небольшой размер, изящество линий.

— А ты сама кто такая? Нет, давай звони. Только учти, у нас осталось минут пять... нет, уже меньше...

Он умолк, и в его левой руке вдруг оказался здоровенный револьвер, который, как выяснилось, был спрятан в расписной хипповской торбе из шерсти яка, висевшей на правом плече юноши. В тот же миг на лестнице что-то застучало — шаги, но какие-то ненор-

мальные. Девушка обернулась и увидела жука размером с небольшого пони, который поднимался по лестнице. Тут парень с револьвером шагнул вперед и трижды — бах! бах! бах! — выстрелил жуку в переднюю часть тела; куски хитина и капли черной крови брызнули на белый обюссонский ковер. Жук продолжал наступать, его суставчатые задние лапы скребли по полу, а серповидные передние цепляли воздух в паре дюймов от ноги парня, который выпустил еще три пули, после чего жук наконец опрокинулся на спину и судорожно завертелся.

Когда эхо выстрелов стихло и девушка осознала, что визжит во всю мочь, она тут же покончила с этим занятием, признав его бесполезным.

— Что... это такое?

— *Pediculus humanus capitis*. Вошь человеческая обыкновенная, — перевел юноша, заряжая револьвер, для чего ему пришлось задрать жилетку, под которой оказался холщовый патронташ. — Увеличенная, конечно. А теперь нам пора. Я Мерлин, кстати.

— Мерлин — как маг?

— Как Мерлин-волшебник. А ты кто?

— Сьюзен, — машинально ответила она и перевела взгляд с огромной вши, которая еще дрыгалась на ковре, на бледно-голубой халат с кучкой красноватого праха на кушетке. На халате была монограмма «ФТ» — ответ на вопрос, кем этот прах был при жизни.

— Что здесь, черт возьми, происходит?

— Некогда объяснять, — сказал Мерлин, шагнул к окну и поднял раму.

— Почему? — спросила Сьюзен.

— Потому что нам обоим конец, если мы будем торчать тут и дальше. Пошли.

И он шагнул через подоконник.

Сьюзен бросила взгляд на телефон: может быть, все же позвонить в полицию? Но оказалось, что думать девушка умеет так же стремительно, как и ходить: через секунду решение было принято, и она вылезла вслед за юношей в окно.

Глава 2

Книг леворуких продавцов

Во мраке леса увидала.

Чем заняты среди кустов?

— Ах, что за дело мне! — сказала.

Окно выходило на крышу оранжереи, которая тянулась от задней стены дома до ограды. За оградой темнел Хайгейт-Вуд. По металлическому коньку оранжереи уже шел Мерлин, ловкий, как кот, даром что на каблуках. Плоский конек шириной с человеческую руку справа и слева переходил в стеклянные скаты. Но юноша не смотрел по сторонам, хотя первый же неверный шаг наверняка стал бы для него смертельным.

Сьюзен нерешительно оглянулась. На полу еще агонизировала чудовищная вошь, но на этом события в доме явно не закончились: с лестницы в комнату вливался туман. Хотя он больше походил на дым, очень густой и черный, но двигался слишком медленно и совсем не пах гарью. В общем, что бы это ни было, дым или туман, Сьюзен поняла: делать ему в доме нечего, а значит, добра от него не жди. Она вздрогнула, встала на подоконнике на четвереньки и так, на карачках, полезла вниз.

— На лестнице какой-то черный туман, — выдохнула она, доползая до другого края. Там уже стоял Мер-

лин, но едва слова сорвались с ее губ, как он сиганул вперед и вниз, на ветку старого дуба, нависшую прямо над изгородью.

— Как ты не падаешь на таких каблучицах? — поразилась Сьюзен.

— Привычка, — отреагировал Мерлин и ухватился правой рукой за ветку у себя над головой, а левую протянул Сьюзен. — Прыгай!

Она оглянулась. Станный туман, необычайно густой и темный, уже клубился в оконном проеме. Мало того, одна его прядь перевалилась через подоконник и черным щупальцем тянулась к ней...

Сьюзен прыгнула. Мерлин подался вперед, чтобы поймать ее, но она уже стояла рядом с ним на ветке, для равновесия обхватив ствол.

— Вниз! — скомандовал Мерлин и легко скользнул по стволу. — Быстрее!

Сьюзен последовала за ним, но, когда до земли осталось каких-то пять футов, спрыгнула на ковер из прошлогодней листвы. Под подошвами ее мартенсов смачно чавкнуло. Весь день лило как из ведра, дождь унялся только к вечеру. Было уже за полночь, но водяная взвесь еще висела в воздухе.

В лесу оказалось темно. Уличные фонари остались за домом, на Ланчестер-роуд, а здесь мрак лишь немного разбавлял свет из окон особняка.

Черный туман стлался над оранжереей, накрыв двускатную крышу. Он пластался и вытягивался, сливаясь с ночью там, куда не доставал свет из окон и с улицы.

— Что это?

— Потом объясню, — сказал Мерлин. — А сейчас за мной. Надо найти древний прямой путь.

И он почти рысцой пустился вперед, петляя между деревьями. Сьюзен пошла за ним, выставив перед собой руки, чтобы по лицу не хлестнула случайная ветка или гибкий молодой ствол. Идти приходилось почти вслепую. Мерлин тенью маячил впереди; девушке оставалось лишь надеяться, что он видит дорогу, и спешить следом за ним.

Немного погодя она чуть не столкнулась с Мерлином: тот вдруг остановился, помешкал, взглянул налево, направо и наконец поднял голову к небу, где сквозь разрывы в облаках кое-где виднелись звезды.

— Туда! Скорее!

И он побежал. Сьюзен изо всех сил старалась не отставать. Страх врезаться во что-нибудь и убиться насмерть уступал только страху перед черным туманом, который все так же преследовал их по пятам и даже стал еще проворнее в темноте, протягивая свои щупальца то с одной стороны, то с другой, на шаривая их во мраке...

Мерлин остановился.

— Мы его нашли, — сказал он. — Теперь можно не торопиться. Держись ближе ко мне и не сходи с пути.

— Я же его не вижу! — возмутилась Сьюзен.

— Просто иди за мной шаг в шаг, — сказал Мерлин и медленно двинулся вперед.

Небо в этой части леса оказалось светлее, да и деревья росли не так близко к тропе.

Девушка обернулась и стала смотреть назад, пошире раскрыв глаза, чтобы разглядеть хоть что-нибудь.

— Этот туман... — прошептала она. — Мне кажется, он ползет за нами.

— Ползет, — подтвердил Мерлин. — Но пока у нас под ногами путь, он нас не тронет.

— Почему?

— Потому что он тоже древний и повинуется древним законам, — ответил Мерлин. — К тому же бояться следует не столько тумана, сколько того, что он прячет, то есть водяного.

— Какого еще водяного?

— Туман — всего лишь сопутствующий эффект, — продолжил объяснять Мерлин. — Он отвлекает, сбивает с толку, а еще он необходим той сущности, что движется внутри его, то есть водяному. Хотя, бывает, его зовут иначе.

И он еще больше замедлил шаг, внимательно глядя под ноги. Тропа вдруг сделала резкий поворот, а впереди выступили из темноты стволы молодых буков.

— Новая тропа не совпадает с древним прямым путем. Придется идти назад.

— Как назад?

— Так. Сначала назад, потом опять вперед, и так туда-сюда до самого рассвета, если придется.

— Но там же... этот... водяной...

— Пока мы на древнем пути, он нас не тронет, — напомнил Мерлин. — Поворот! За край не заступать!

Сьюзен осторожно повернулась на месте и медленно пошла назад, туда, откуда они только что пришли, старательно ставя ноги ровно посередине тропинки.

— Я ничего не вижу, — шепнула она через несколько шагов.

Под подошвами шуршало, а не чавкало — значит, они шли по мелкому гравию, а не по мокрой прошлогодней листве. И все равно оступиться в крошечной тьме было легче легкого.

— Если не возражаешь, я положу руки тебе на плечи и буду направлять твои шаги, — предложил Мерлин. — Вот так, не спеши. Все будет хорошо.

Его ладони легли на плечи Сьюзен. Прикосновение было совсем легким, но очень необычным: тепло левой руки Мерлина она ощущала так, словно между его и ее кожей не было ни перчатки, ни бретельки ее комбинезона, ни футболки. Казалось, внутри дорожной перчатки спрятан нагревательный элемент. Горячей ладонью юноша легко нажал на плечо Сьюзен, подталкивая ее вправо.

— В этом есть и плюс, — сказал Мерлин, когда они прошли шагов тридцать или сорок. — Теперь, когда на нас спустился водяного, сюда никто не сунется.

— Почему?

— Он плохо отличает своих от чужих, — ответил Мерлин. — Остается надеяться, что дневной дождь распугал всех любителей лесных прогулок. А ну-ка, погоди. Черт! Тропа опять поворачивает, а впереди деревья. Нельзя было, что ли, проложить ее прямо? Стоп! Снова разворот.

Пока они разворачивались, Сьюзен поняла: ее кое-что тревожит. В смысле, еще кое-что, кроме таинственного превращения «дядюшки» Фрэнка в горстку песка и появления в доме сначала гигантской вши, а затем черного тумана.

— Я не слышу машин. Или поездов. И вообще ничего, кроме наших шагов. Почему здесь так тихо?

Никс Г.

Н 64 Леворукие книготорговцы Лондона : роман / Гарт Никс ; пер. с англ. Н. Масловой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 448 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-18869-3

1983 год. Лондон, но совсем не тот Лондон, который знают и помнят многие. Сьюзен Аркшо, имея в своем распоряжении всего лишь старый билет в читальный зал, серебряный портсигар с полустертым гербом и бумажку с фамилией отца (скорее всего, написанной неправильно), отправляется в Лондон на поиски своего родителя. Здесь она знакомится с Мерлином и его сестрой Вивьен, представителями большой семьи леворуких (воинов) и праворуких (интеллектуалов) книготорговцев, охраняющих с помощью магии Новый мир от вторжений мифического Древнего мира. Леворукий Мерлин и праворукая Вивьен активно включаются в поиски отца Сьюзен, полагая, что его исчезновение странным образом связано с убийством их матери. Что или кто был отцом Сьюзен? Это необходимо выяснить как можно скорее, поскольку Древний мир начинает опасное вторжение в Новый...

Впервые на русском языке!

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

ГАРТ НИКС
ЛЕВОРУКИЕ КНИГОТОРГОВЦЫ
ЛОНДОНА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц

Редактор Владимир Петров

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Людмила Дубовая, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.09.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-АВВ-27531-01-Р